

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
П35

Anne Helen Petersen
TOO FAT, TOO SLUTTY, TOO LOUD:
THE RISE AND REIGN OF THE UNRULY WOMAN
Copyright © 2017 by Anne Helen Petersen

Перевод с английского
Анастасии Моховой и Динары Селиверстовой

Художественное оформление *Елены Околыциной*

Питерсон, Энн Хелен.
П35 Слишком толстая, слишком пошлая, слишком громкая /
Энн Хелен Питерсон ; [перевод с английского А. Моховой,
Д. Селиверстовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-103189-3

Вы знаете этот тип: женщина, которой не закроешь рот, которой не занимать дерзости, у которой на все есть свое мнение, которая всегда и во всем «слишком». Это непокорная женщина, и она воплощает в себе одну из самых провокативных и современных форм женственности. Энн Хелен Питерсон, используя призму «непокорности», исследует феномен восхождения к славе таких знаменитостей, как Серена Уильямс, Хилари Клинтон, Ники Менаж и Ким Кардашьян. Она размышляет о том, почему публика так яростно любит и ненавидит неоднозначных селебрити. Автор BuzzFeed предлагает свой взгляд на то, как знаменитые женщины раздвигают границы бывшего оскомина стандарта «нормальности».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-103189-3

© Мохова А., Селиверстова Д., перевод на
русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Моей непокорной матери

ОТ АВТОРА

8 ноября 2016 года я проснулась рано утром и сказала вслух, ни к кому, собственно, не обращаясь: «Я так рада, что могу проголосовать за нашего первого президента-женщину!» Это чувствовала не я одна: в тот день, казалось, весь Нью-Йорк трепетал от предвкушения. Возвращаясь домой с избирательного участка, я увидела мать с тремя юными дочерьми — все были одеты в брючные костюмы, как у Хиллари Клинтон. На перекрестке Клинтон-стрит и Президентской улицы в Бруклине десятки людей делали селфи напротив указателей. В метро один незнакомец, увидев у меня наклейку «Я проголосовала», сказал: «Спасибо, что выполнили свой гражданский долг!» Некоторые социологические и политологические сайты предсказывали, что шанс на победу у Трампа — всего один процент. Будущее казалось predetermined, и мы были уверены в завтрашнем дне.

Перематываем вперед на двенадцать часов. Я сижу в офисе *BuzzFeed* на Манхэттене: радостное предвкушение резко сменяется паникой. Весь месяц перед выборами я разговаривала с сотнями женщин на митингах Трампа — многие из них были преисполнены ненависти к Клинтон. Они

Энн Хелен Питерсон

кричали: «Арестовать ее!»; носили футболки с надписью: «Моника сосет, Хиллари глотает». По статистике, женщины эти составляли меньшинство. Но все они стали каплями в волне неприязни, недоверия и отторжения, которая по мере того как поступали и постепенно прояснялись сведения об итогах голосования, обрушилась на Клинтон.

Я перестаю лихорадочно обновлять ленту «Твиттера» и тупо смотрю в одну точку. Белое вино в пластиковом стаканчике рядом с компьютером нагревается. Победа Трампа становится наиболее вероятной, а затем и бесспорной. Загорается экран телефона.

«Не хочется просить тебя об этом, — сообщает в трубку редактор, — но нам нужно, чтобы ты что-нибудь написала».

Я ожидала спокойного, ненапряжного окончания недели. Я устала от нескольких недель выездных репортажей. Я могла бы заплакать. Но вместо этого я открыла новый документ и набрала: «Вот так Америка ненавидит женщин».

Не всех женщин, конечно. А таких, как журналистка Мегин Келли, бывшая телеведущая на *Fox News*, которая во время первичных дебатов спросила Трампа о его отношении к женщинам. Или таких, как бывшая «Мисс Вселенная» Алисия Мачадо, посмевавшая набрать вес. Таких, как Элизабет Уоррен, которая и не собиралась затыкаться, или как Розы О’Доннелл, с которой Трамп враждовал годами. Женщин, подобных десятку тех, кто обвинил Трампа в сексуальной агрессии и/или домогательствах, и самой Клинтон, которую Трамп назвал «несносной». Другими словами, *непокорных* женщин.

Они провоцируют Трампа, приводят его в бешенство. Многие избиратели решили, что имеют право унижать, увольнять и затыкать таких женщин лишь потому, что они подвергают сомнению, переосмысливают или иным образом бросают вызов статус-кво. Конечно, непокорные женщины существуют столько же, сколько и границы того, что является приемлемым, допустимым поведением: на тех, кто выходит за рамки так называемой женственности, тут же ставят клеймо вроде «слишком толстая», «слишком пошлая», «слишком громкая» или приписывают им любое другое качество, которое женщины якобы должны держать под контролем. Ненависть, направленная на непокорных женщин во время кампании 2016 года, лишь продолжение того страха, что накапливался веками.

Вот почему поражение Трампа стало бы шагом к огромной победе непокорных женщин во всем мире: как утверждение того, что обесценивающее и дегуманизирующее отношение совершенно неприемлемо, особенно от президента Соединенных Штатов. Вместо этого победа Трампа сигнализирует о начале ответной реакции, которая назревала в течение многих лет, поскольку непокорные женщины стали доминировать на культурном ландшафте в совершенно разных сферах деятельности.

И пока непокорная женщина находится под угрозой, она не собирается сдаваться: Клинтон в конце концов выиграла народное голосование с более чем двумя миллионами голосов, а выборы сподвигли неисчислимое количество женщин защищать свои права и права других.

Энн Хелен Питерсон

Америка Трампа представляется небезопасной для многих, будущее нации кажется неопределенным. Но *непокорность* — во многих ее проявлениях, больших и малых, в поступках и в языке — является более значимой, более *необходимой*, чем когда-либо.

* * *

Непокорные женщины окружают нас в повседневной жизни, но именно непокорные знаменитости обращают на себя внимание: вызывают споры и противоречия, становятся предметом обсуждения. В следующих десяти главах я предлагаю рассмотреть жизнь, творчество, достижения или общественную деятельность знаменитых женщин, от Серены Уильямс до Лины Данэм, которые имеют это качество — непокорность. И хотя каждая глава названа каким-либо «непокорным» свойством — «слишком пошлая», «слишком вульгарная», «слишком нетрадиционная», каждая из героинь непокорна во многом: Серена Уильямс слишком сильная, но и слишком мужественная, жесткая, популярная, черная; Лина Данэм слишком голая, но и слишком громкая, воинственная, влиятельная, откровенная, чрезмерная во всем.

В этой книге я писала о женщинах, которые занимают разные ниши — от литературы до Голливуда, от канала *HBO* до теннисного корта. Есть главы и о цветных женщинах, но преобладание белых гетеросексуальных героинь подчеркивает неприглядную правду: разница между привлекательной, приемлемой непокорностью и непокорностью, которая вызывает гнев, так же однознач-

на, как и цвет кожи, сексуальный партнер или партнерша, близость к традиционному «идеалу женственности». Когда черная женщина говорит слишком открыто или слишком хлестко, она обрастает ярлыками «нарушительница спокойствия», «неуправляемая», «неудовлетворенная»; представительница сексуальных меньшинств, рассуждающая о сексе, внезапно якобы становится доказательством того, что все геи и лесбиянки по природе своей неразборчивы в связях. Одно дело — быть молодой ангелоподобной гетеросексуальной женщиной, делающей и говорящей вещи, которые заставляют других чувствовать себя неуютно. Совсем другое дело — и гораздо более рискованное — делать то же самое, находясь в ином теле: не белом, не гетеросексуальном, не стройном, не молодым, не американском.

Каждая глава начинается с ярлыка, которым «наградили» ту или иную женщину. Например, Мелисса Маккарти — «слишком толстая». Постепенно распутывается тугой клубок того, как исторически подобное качество приравнивалось к чуме, болезни, противоречащей самой идее женственности. Чем больше вы анализируете, что же делает подобное свойство скандальным, тем больше понимаете, чему все эти женщины противостоят и чему угрожают: и самому утверждению «вот это и значит быть женщиной», и укоренившейся пассивной роли в обществе. Эта книга не только рассказывает о «слишком заметных» женщинах, но и проливает свет на то, чего ожидают от любой другой во всем мире. Иными словами, почему говорить слишком откровенно, вести себя слишком открыто или обнажать слишком много

Энн Хелен Питерсон

частей тела — огромная угроза для существующего положения вещей.

И угроза эта — часто причина того, почему упоминание хоть одной из этих женщин тут же открывает водосброс споров, дискуссий, конфликтов, противоречий. Неважно, обсуждение ли это в соцсети или беседа за коктейлем: даже замечание вскользь — самый быстрый способ увеличить напряжение, оттолкнуть друзей, оскорбить старшее поколение или испортить свидание. Их тела, слова и действия провоцируют людей на споры, что характерно для политических деятелей. Эти женщины постоянно сдвигают границу приемлемого поведения: вы и не подозреваете, где она сейчас, пока она не нарушит ее.

Знаменитости наиболее наглядно воплощают различные женские качества и обязывают нас к определенному восприятию образов и проявлений — от темного цвета кожи до гомосексуальности, от женственности до беременности. Вот почему успех непокорных женщин неразрывно связан с разными подходами к женскому вопросу в десятилетия XX века: общественное принятие феминизма одновременно с ужесточением законодательства в отношении репродуктивных прав, неизменная разница в уровнях доходов между мужчинами и женщинами, строгие рамки того, как должно выглядеть и вести себя женщине, и, наконец, избрание Трампа. В этом свете непокорность можно рассматривать как нарастающее недовольство той обстановкой, в которой равенство полов вроде бы и признается публично, но мало что делается для того, чтобы изменить что-то в реальной жизни. Неу-

дивительно, что подобные женщины вызывают у нас смешанные чувства: они постоянно напоминают нам о пропасти между тем, во что мы, как сами думаем, верим и как на самом деле себя ведем.

* * *

Это далеко не первый случай, когда образ непокорной женщины приобрел огромное значение и стал символом. Анна Болейн, Мария-Антуанетта, Симона де Бовуар, Вирджиния Вулф, Мэй Уэст, Элизабет Тейлор, Элеонора Рузвельт, Джейн Фонда — все они были непокорны в той или иной степени, и эта непокорность — причина, почему их имена до сих пор на слуху и останутся в истории. Однако самое мощное проявление непокорной женщины в новейшей истории относится к началу девяностых годов, когда Розанна Барр стала непокорной *par excellence*: ее комедийный сериал «Розанна» был самым популярным, обогнав «Шоу Косби» и став самой успешной программой на телевидении в 1989 году. В течение последующих шести лет сериал оставался в пятерке лучших программ в телерейтинге — беспрецедентный случай для шоу, которое не только было сосредоточено на семье из рабочего класса, но и освещало проблемы феминизма и гендерной неопределенности.

«Розанна» смело бросила вызов образу уважаемой семьи из среднего класса, предлагаемый такими ситкомами, как «Шоу Косби», «Проблемы роста», «Семейные узы» и «Дела семейные». В доме семьи царил беспорядок, он вызывал чувство клаустрофобии, в том числе и у зрителя.

Энн Хелен Питерсон

лей; денег всегда не хватало, Розанна и ее муж Дэн, которого блестяще сыграл Джон Гудман, часто были измучены ежедневной работой. Их дети могли грубить или ругаться матом, и родители зачастую вели себя так же.

В своем прорывном исследовании «Непокорная женщина» (*The Unruly Woman*) Кэтлин Роу Карлин указывает на то, как Барр использовала свою популярность, чтобы подчеркнуть огромный разрыв между прогрессивными стремлениями феминизма второй волны и реальным положением семей рабочего класса после рейганизма^{1,2}. То, что Розанна выбрала мать из рабочего класса в качестве альтер эго, олицетворение этого бунта, мятежа, непокорности является существенным: финансовые и хозяйственные ограничения в ее случае означают, что орудиями восстания становятся хлесткие выражения, неидеальное тело, беспорядок в гостиной и отказ сделать дом семьи из рабочего класса просто менее дорогостоящей версией дома буржуазного.

И за пределами «Розанны» Барр культивировала подобный непокорный, скандальный имидж: публичный роман, а затем и брак с коллегой-комиком Томом Арнольдом, исполнение национального гимна в 1990 году на бейсбольном матче, настолько фальшивое и непочтительное, что президент Джордж Буш-старший назвал его «отвратительным», «оскорблением всех патриотов нашей страны». Она была, как выразилась моя мать, воплощением «дурного вкуса» — одна из причин того, почему мне в десятилетнем возрасте запрещали смотреть «Розанну», хотя подобный грубый юмор я могла услышать и в таких шоу, как «Большой ремонт».

Карлин указывает на «серьезную двойственность и неопределенность», окружающие Розанну: несмотря на то что она была звездой одного из самых популярных шоу на телевидении и на то что читатели журнала *People* проголосовали за нее в номинации «Главная женщина-звезда», она все еще внушала многим отвращение³. *Esquire* сделал явным этот раскол, когда опубликовал «двойной» материал о Роззи: на одной странице — хвалебный текст, на другой — критический. На декабрьской обложке *Vanity Fair* был заголовок «Розанна сверху» и провокационная фотография: Розанна прижимает Тома Арнольда к земле, ее пышные груди сразу приковывают к себе внимание, а губы кривятся в хитрой усмешке. Ее власть была очевидной, поэтому образ Барр пришлось исказить для читателей — сделать Розанну путающей. Предполагалось, что она едва контролирует себя, свое тело и свое поведение, что только облегчало задачу выставить ее как опасную, вышедшую из-под контроля женщину (и как угрозу Америке), когда она осмелилась сфальшивить, исполняя национальный гимн. Потребовалось больше десятилетия, чтобы женщина с такой же неуправляемой энергией снова достигла чего-то близкого к ее уровню популярности.

То, что случилось с Розанной, должно стать примером. Заманчиво думать о непокорных женщинах как о радикалках, нарушающих общественные нормы и посягающих на устои — и, хотя они действительно делают восстание мыслимым и приемлемым, их действия также могут служить лишь укреплению господствующих норм. Возьмем хотя бы участницу женского кантри-трио *Dixie Chicks* Натали Мэнс, которая стала прямолинейным оратором фе-